

миниатюры Сильвестровского сборника, еще не установилось почитание этой родовой княжеской святыни.¹³ Этот культ сложился рано. Уже в 1175 г. летописец говорит о мече как о реликвии, принадлежавшей Андрею Боголюбскому. Услышав приближение убийц, князь «вьскочи, хоте взяти мечь, и не бе ту меча, бе бо том дни вынял ѿ Амбал, ключник его; то бо меч бяшетъ святого Бориса».¹⁴ Таким образом, композиция иконного клейма, хотя и более поздняя, могла появиться уже в XII в.

Во второй сцене показано «потаение» тела Владимира. На фоне двух палат и храма два отрока, одетые в короткие рубахи слуг, несут тело Владимира в белом саване, на ковре, который они держат за концы. Имеется полустертая надпись «С[в]я[т]о[п]лак [потаи] с[мерть о]т[ца сво]его».

Эта сцена обнаруживает большое сходство со второй миниатюрой «Сказания» в Сильвестровском сборнике, где представлен тот же эпизод. Надпись на иконе, как и на миниатюре, является отрывком из «Сказания», где вестник сообщает Борису, возвращающемуся из похода, о смерти отца: «... како преставися отецъ его Василий... и како Святопѣлак потаи сѣмьрть отца своего, и ночь проймав помост на Берестовемъ и в коврѣ обьретьвѣше, съвесивѣше ужи на землю, везѣше на саньх, поставиша ѿ в церкви святыя Богородица».¹⁵ Но, как и в сильвестровской миниатюре, на иконе не изображен Святополк, и поэтому вся композиция согласуется не с текстом «Сказания», а с текстом летописи, где подчеркивается отсутствие Святополка в Берестове в момент смерти Владимира и «потаения» его тела. По летописи, Владимир «умре... на Берестовем, и потаиша ѿ, бе бо Святополк Кыеве».¹⁶

Это обстоятельство вряд ли можно объяснить творчеством самого иконописца, скомбинировавшего в одном клейме версии двух литературных произведений. Вероятнее всего, что иконное клеймо восходит к миниатюре иллюстрированного списка «Сказания», очень близкого к лицевому «Сказанию» в Сильвестровском сборнике. Как и сильвестровские миниатюры, изображения в этой рукописи, видимо, были иллюстрациями какого-то древнего жития Бориса и Глеба, но затем были приноровлены к «Сказанию» и поэтому снабжены надписями-цитатами из «Сказания». Только так можно объяснить появление надписи из «Сказания» в композиции, не соответствующей этому тексту.

Зависимость иконного клейма непосредственно от сильвестровской миниатюры нельзя допустить. При всей его близости к миниатюре (симметрично расположенные здания, два отрока, держащие тело Владимира), здесь отмечено опущенное в сильвестровской миниатюре обстоятельство: тело Владимира держат на ковре. В то же время в иконе опущены некоторые детали, подсказываемые текстом летописи и изображенные миниатюристом: сани, куда кладут тело Владимира, помост, где стоят отроки.

Следует отметить, что изображение ковра, на котором лежит тело Владимира, не встречается ни в одной из иллюстраций к этой сцене. Все они показывают тело Владимира, в соответствии с известными нам текстами «Сказания» и летописи, обернутым в ковер или, точнее, в белый саван. Между тем некоторые эпизоды летописей позволяют предположить особое символическое значение, придаваемое в древности положению на ковер при некоторых церемониях и обрядах. Владимир Мономах указал явившемуся

¹³ Д. В. Айналов. Очерки и заметки... стр. 20.

¹⁴ ПСРА, т. II. СПб., 1843, стр. 113.

¹⁵ Д. И. Абрамович, стр. 29.

¹⁶ Повесть временных лет, ч. 1. Подготовка текста Д. С. Лихачева. Под редакцией чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 89.